

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

Л.П. ЕВСТИГНЕЕВА,

Р.Н. ЕВСТИГНЕЕВ

Россия и экономическая глобализация*

В предыдущей статье [1], анализируя процессы экономической модернизации, мы пришли к выводу о том, что благодаря господству финансового капитала глобализация должна опираться на конвергентные (переговорные, партнерские, согласительные) отношения субъектов мирового рынка, включая государства. Конвергентными же должны стать взаимодействия экономики и государства на национальном уровне. Естественно, возникает вопрос: приемлема ли конвергентная формула глобализации для России?

Российский путь в мировую экономику

Благодаря высокому уровню экономического развития США, Европа, Япония стали естественными лидерами глобализации. Применительно к этим ареалам мировой экономики, на первый взгляд, можно говорить о глобализации как об экспансии национального капитала и в этой связи - о наращивании монопольной позиции развитых стран на мировом рынке. Вместе с тем монополизм - побочный эффект глобализации, который может быть значительно ослаблен. Мы имеем в виду не перспективы на будущее, вытекающие из положительного воздействия развитых стран на мировые рынки. Конечно, следом за потоком финансового капитала из развитых стран мировой рынок получает современные высокие технологии, включая компьютеризацию и новые типы коммуникаций. Однако глобализация - не только итог, она еще и *механизм становления мировой экономики*. Как таковая она характеризуется не только масштабами и глубиной интеграционных процессов, но еще и приоритетом финансовой интеграции.

Для развитых стран данный приоритет важен тем, что он поддерживает базовую позицию финансового капитала во внутренней экономике. Более того, глобализация служит механизмом становления и функционирования макроэкономики. При этом государство вовлекается в активную экономическую политику. Макроэкономика может регулироваться только на принципах внутренней конвергенции рынка и государства, но не потому, что она сложна и тем самым лишь частично управляема, а в силу того, что формируется субъектная рыночная система, слагаемая из оборотов разных функциональных капиталов (во главе с финансовым капиталом) и их институтов.

Что же касается стран, отстающих от западных лидеров, но находящихся в зоне их влияния, то в них под воздействием открытости экономики и приоритетности финансовой интеграции происходит перестройка внутреннего рынка в макроэкономику

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 98-02-02173).

Евстигнеева Людмила Петровна — доктор экономических наук, заведующая лабораторией Международного научно-исследовательского института проблем управления.

Евстигнеев Рубен Николаевич - доктор экономических наук, руководитель центра Института международных экономических и политических исследований РАН.

на принципах "наведенного контура". Если в развитых экономиках глобализация вытекает из внутренних процессов формирования макроэкономики, то для стран более низкого уровня развития структурные трансформации в направлении от микро- к макро- являются продуктом усвоения глобализации. Эти взаимосвязи фиксирует формула Вашингтонского консенсуса, инвариантом которой практически является и пост-Вашингтонский консенсус. Образуется своеобразная "комета", ядро и шлейф которой неразделимы, но различны по своему составу. Если в "ядре" (экономике высокого уровня развития) решается проблема адекватного соединения финансового и производительного капиталов как автономных структур национальной экономики, причем производительный капитал обеспечивает устойчивую воспроизводимость соотношения финансового капитала и дохода через посредство рыночных механизмов максимизации эффективности производительного капитала, то в "шлейфе" (экономике, находящихся в сфере влияния глобальных лидеров) эффективность производительного капитала задается и регулируется с помощью финансово-денежных рычагов поддержания устойчивого курса национальных валют и антиинфляционными мерами. Соответственно, мерилем эффективности внутренней экономики становится ее конкурентоспособность на мировых рынках.

Вместе с тем нет оснований считать, что мировая экономика в тенденции однозначно устремлена к рынку свободной конкуренции. Системная конкуренция порождает новые, помимо доллара, сильные мировые валюты, на основе которых формируются новые региональные центры мировой экономики. Соответственно, системная конкуренция осуществляется на общем фоне равновесия курсов мировых валют. Отсюда возможность акцентирования разных конкурентных компонентов внутри зон мировой экономики, делающих эти зоны достаточно устойчивыми. Благодаря такой устойчивости мировой рынок преодолевает монополизм развитых стран, формируя олигопольные структуры.

Если рассматривать интеграцию применительно к Южной Америке, то здесь стоит проблема повышения эффективности этой особой зоны мировой экономики и мирового капитала. Опыт азиатских стран вводит проблему соотношения капитала и государства. При недостатке капиталов (что отвечает начальному этапу индустриализации) и избытке труда складываются структуры, близкие к государственно-монополистическому капитализму. В такой ситуации государство взаимодействует с мировой экономикой как посредник между национальным и мировым капиталом. В тот же ряд можно поставить и Китай, специфика которого - наличие разросшегося государственного сектора. Что касается стран Центральной и Восточной Европы, то они ориентированы на европейскую интеграцию. Помимо создания чисто правовых предпосылок происходит переориентация этих стран с рынков бывшего СЭВ на европейские при одновременном наращивании объемов экспорта, импорта и финансовых потоков.

Участие России в процессах глобализации и ее включение в обороты мирового финансового капитала, по-видимому, должно следовать логике формирования регионального центра на базе развитой экономики, в которой глобализация является атрибутом внутреннего рынка, имеющего конструкции макроэкономики. Это вытекает из анализа рыночного трансформационного потенциала российской экономики, или "общественной потребности в трансформации" [2].

К рыночному реформированию в России с позиций глобализации можно предъявить два требования. Первое: экономика должна быть трансформирована в макроструктуру по Д. Кейнсу, когда макроуровень представлен не суммарными величинами микроуровня (ВВП, совокупный капитал и резервы труда в обществе), а денежными оборотами разных функциональных капиталов - финансового, производительного, капитализированного (точнее, капитализируемого или включающего в свои обороты капитализацию) дохода. Второе: экономика должна противостоять государству как целостная система структур и институтов указанных функциональных капиталов, что предполагает формирование единой инвестиционной и денежной системы на базе и во главе с финансовым капиталом. При этом институциональный подход к реформам

должен проявиться во всей своей полноте и привести к созданию конвергентных механизмов реформирования, охватывающих систему экономических и социально-политических институтов.

Во-первых, следует в принципе изменить отношение к роли крупных вертикальных структур капитала в становлении рынков. Они "держат" рынок в том плане, что формируют своих контрагентов, кредитуют их, осуществляют крупные текущие и стратегические инвестиции, привлекают иностранные капиталы, цементируют внутренний рынок и раздвигают его региональные границы. Разумеется, здесь есть и негатив - угроза госкапитализма, состоящая, с одной стороны, в коррупции и подрыве механизмов демократии (вполне возможно подчинение экономической политики государства интересам той или иной группы монополий) и в перенесении части экономических рисков на бюджет - с другой. Однако минусы преодолеваются открытостью рынка и участием экономики в процессах глобализации. Глобализация поддерживает обязательность мировых стандартов и уровней эффективности и цен на внутренних рынках. Тем самым открытая экономика объективно стремится к трансформации монопольных рынков в олигопольные, по отношению к которым государству легче держать дистанцию и отстаивать свои приоритеты.

Во-вторых, программа выхода из кризиса должна исходить из сбалансированного сочетания типов монополии. Речь идет о трех основных типах.

1. *Государственная монополия.* Государство всячески стремится - и это опасно - к ее восстановлению и превращению экономики в "бюджетную экономику". Управление рынком на основе бюджетных рычагов представляется логичным по отношению к рынку свободной конкуренции, но противоречит формированию конвергентной рыночной экономики макроэкономического типа (Денежной экономики по Кейнсу).

Если предположить, что именно бюджет есть базис преодоления кризиса, то это чревато переходом к мобилизационной экономике и затем частичной реставрацией социализма. В этом случае государство стремится монополизировать (или даже вторично национализировать) все источники доходов и ставит инвестиции в рамки процесса государственного перераспределения доходов. В результате почти блокируется формирование национального капитала как целостной системы разных функциональных капиталов и их метаморфоза. Мы имеем в виду препятствия к распределению и перераспределению капиталов на уровне капитала, т.е. посредством его структур и институтов. А это - важнейший аспект рыночной трансформации в России, отвечающий макроэкономической природе создаваемого рынка.

Совершенно недостаточный противовес государственной монополии - регионализация экономики и федерализация власти. Они работают на разрыв страны. Проблема решается позитивно лишь в том случае, если капитал формирует не только горизонтальные рыночные связи, но и вертикальные. Речь идет, повторим, об образовании единой инвестиционной денежной системы страны во главе с финансовым капиталом. К сожалению, в России еще не сложилось единство рынков. Тем большее значение имеют структуры крупного финансового капитала и примат денежных, валютных и фондовых рынков по отношению к рынкам товарным, региональным по своей сути.

Чисто социалистический феномен: государство формирует бюджет на базе стандартного отношения с предприятием как субъектом дохода, всеми силами защищает систему трансфертов во имя удержания централизации, что в данном случае равносильно целостности страны. Однако ситуация в корне меняется, когда конструктивной основой целостности страны становится не доход, а капитал. Именно исходя из этого нужно формировать бюджет, в частности включая в него налог на капитал, стимулируя капитализацию доходов не через совершенствование налоговой базы (исключая из налоговой базы затраты на инвестиции), а посредством понижения общего уровня налогов на прибыль, не используя, пока идет становление структур и институтов капитала, в качестве базового налог на физические лица. Таким образом, речь идет об ориентации рыночных реформ на капитал, а не на приватный доход.

2. *Монополия различных функциональных капиталов и их переплетений вроде финансово-промышленных групп и региональных финансово-промышленных групп, объединений банков.* Развитие структур и институтов капитала опирается на монополизацию как на основной механизм. В результате взаимная метаморфоза разных функциональных капиталов также затруднена, хотя и не столь сильно, как в случае с государственной монополией. Кроме того, сточки зрения необходимости преодоления экономического спада важно, что затрудняется формирование единой инвестиционной денежной системы страны во главе с финансовым капиталом. Ситуация подталкивает к утверждению приоритета экспортных отраслей и к наращиванию взаимной конкуренции указанных двух типов монополизации, что льет воду на мельницу госкапитализма.

3. *Монополия финансового капитала.* Как самостоятельная она предполагает приоритетность банковской системы в экономике страны. Мы имеем в виду не монополию Центрального Банка-это был бы, скорее, феномен государственной монополии. Речь идет о том, что банковскую систему нужно устроить так, чтобы обеспечивать обороты разных функциональных капиталов и развитие их системы на уровне денежной формы. Каждый из функциональных капиталов должен быть представлен своим специфицированным денежным оборотом - своим банковским институтом, своей системой обеспечения денег, своим инвестиционным механизмом, своим рыночным равновесием и своим критерием эффективности. Трех основным функциональным капиталам соответствуют:

— финансовому капиталу: центральный банк - золотовалютные резервы - эмиссия - финансово-денежная стабильность - валютный курс;

- производительному (реальному) капиталу: Банк капитала - обеспечение залоговых инвестиционных кредитов - долгосрочное кредитование производства - кейнсианское рыночное равновесие - динамика экономического роста при условии регулируемой инфляции;

- капитализируемому доходу: сберегательный банк - бюджетный профицит - банковское обслуживание оборота доходов - оптимальная структура доходов населения, предприятий и государства - динамика доходов при условии стабильной нормы сбережений и налоговых ставок.

Спецификация денежных оборотов не должна приводить к абсолютной автономности разных видов денег. Напротив, она должна быть соединена с их взаимной метаморфозой: капиталные деньги - товарные деньги - доходные деньги. Это обеспечивается полной внутренней конвертируемостью рубля в устойчивую валюту, денег - в финансовые активы для всех видов рыночных операций и всех рыночных субъектов.

Монополия финансового капитала обуславливает меру допустимости всех других видов монополии, исходя из потребностей процесса формирования единой денежной инвестиционной системы страны. Тем самым можно говорить о системной природе монополии финансового капитала, которая сочетается с денежными механизмами структуроформирования: спецификацией денежных оборотов и полной внутренней конвертируемостью. Благодаря этому монополия финансового капитала характеризует макроэкономику (денежную экономику) с очень высоким потенциалом либерализации экономики и общества. Заметим, кстати, что либералы ищут воплощения либерализма в автономности субъектов рынка, тогда как такое воплощение следует искать в универсальном значении денежных оборотов, которые вбирают в себя и автономность субъектов рынка. Различие существенное - либо переход к рынку строится на базе приватизации дохода и государственного регулирования его распределения и перераспределения, либо переход к рынку опирается на формирование национальной системы частного капитала, его структур и институтов разных уровней.

В-третьих, стоит задача сведения в один узел следующих трех проблем развития сферы общественного производства - дефицита инвестиций; рыночной адаптации инвестиционного комплекса отраслей, включая ВПК; предельно больших размеров теневой экономики. Общим решением является образование специального института -

Банка капитала - с его функциями развития массовых рынков корпоративных акций и осуществления залогового инвестиционного кредитования. Это будет означать завершение приватизации.

В последнее время появилось много интересных исследований о развитии инвестиционного и текущего кредитования, в том числе о разделении спекулятивных рисков и инвестиционных вложений: о принципах надежности ликвидных финансовых активов, сопоставимых как с надежностью вложений в доллары, так и с мировыми представлениями о надежности: сравнений в институциональном плане универсальных и инвестиционных банков и т.п. Поддерживая это направление, думаем, нужно идти дальше, углубляясь в воспроизводственные аспекты финансово-денежных отношений.

С точки зрения воспроизводства уровень ликвидности совпадает по смыслу с воспроизводимостью экономических активов: банки не предоставляют кредиты тем предприятиям, которые не могут обеспечить воспроизводимость и тем самым оказываются неплатежеспособными, по этим же причинам предприятия прибегают к кредитам только в самых крайних случаях. Гарант надежности с точки зрения воспроизводства - частный собственник. Гарантирование собственностью возможно только тогда, когда легко осуществима метаморфоза собственности в деньги. А что мы имеем на деле? Предприятия, как скупые рыцари, сидят на своих сундуках с деньгами. Речь идет о потенциальных деньгах - акциях, которые не имеют оборота. Тем самым это всего лишь номинальные акции и всего лишь номинальные собственники. Банк капитала, обеспеченный достаточно надежным уставным фондом своих учредителей, способен привлечь массовые залоги в виде корпоративных акций, их контрольных пакетов и других документов собственности и развернуть массовые рынки корпоративных акций, кредитуя рыночные операции этого рода и выдавая инвестиционные залоговые кредиты предприятиям.

Банк капитала не только решает проблему дефицита инвестиций на базе денежного оборота собственности на предприятиях, но и создает предпосылки увеличения рыночного спроса прежде всего для инвестиционного комплекса отраслей. Ведь масштабы спроса на инвестиционные товары просто нельзя свести к функции от уровня и структуры потребительских доходов: индустриальные отрасли, прежде всего инвестиционные, характеризуются высокой долей внутреннего потребления своей продукции и ее экспорта, вследствие чего их хозяйственные обороты нуждаются в кредитных деньгах, обеспеченных оборотом производительного капитала.

Что касается теневой экономики, то здесь важны не только средства, повышающие рентабельность в теневом секторе и делающие приемлемыми для теневых предприятия платежи и налоги, но также экономические условия, при которых возможно приостановить бегство капиталов за границу. В этой связи необходимо, чтобы процессы накопления капитала были бы включены во внутренние воспроизводственные обороты производительного капитала вне зависимости от происхождения собственности на капитал. Косвенно о такой необходимости свидетельствует нарастание доли вторичного бартера (10%), т.е. расширения сферы его использования не только в качестве средства платежа в рамках текущего обмена, но и как формы отложенного платежа, или накопления. Потребность теневой экономики в инвестиционных денежных оборотах поддерживается особенностями ее отраслевого состава. Как известно, в теневой экономике большой удельный вес занимают предприятия инвестиционного комплекса.

В-четвертых, в программе рыночного реформирования необходимо специально выделить оборот потребительских доходов. Здесь очень важен принцип воспроизводимости уровня и структуры доходов внутри их оборота. Оборот дохода должен включить в число обслуживающих его банковских и финансовых институтов институты страхования и гарантирования вкладов населения, причем требование прозрачности в первую очередь должно относиться к данной сфере рынка. Это достаточно очевидно, но, пожалуй, непривычно прозвучит тезис о необходимости банковского посредника между государством и населением по бюджетным долгам. Бюджетные долги населению могут получать форму специальных сбережений, номинированных в

долларахиспособныхпорождатьособыеформыбанковскогокредитованиянаселения под обеспечение счетами указанных долгов. Представляется, что государство вообще не должно непосредственно выходить на массового потребителя по своим бюджетным обязательствам, а использовать банковских посредников.

Таким образом, можно выделить четыре ключевых понятия российской рыночной трансформации - крупные капиталы, обороты, инвестиционная денежная система во главе с финансовым капиталом, государство как институциональный центр.

Глобализация применительно к рыночной трансформации в России должна быть органичной для внутренней логики системной эволюции. Более того, она должна стать, скорее, следствием процессов рыночной трансформации, нежели продуктом "внешней диктатуры". Так, важно, чтобы формирование финансового капитала и его денежных, валютных и фондовых рынков сопровождалось открытием экономики именно в этой области, становление финансовой системы производительного капитала - открытием массовых рынков корпоративных акций. Развитие региональных, товарных рынков должно включать в себя также условия и предпосылки привлечения иностранного капитала. В этом случае становление внутреннего рынка будет означать становление национальной системы капиталов во главе с финансовым капиталом. Алгоритм данного процесса одновременно станет и алгоритмом преобразования внутреннего рынка в открытую экономику.

Сказанное поднимает вопрос о сочетании примата мировой экономики, выражающего ее целостность, с совокупностью национальных рынков, обладающих собственной автономией. Поставленный вопрос побуждает более внимательно отнестись к проблеме противоречий и механизмов глобализации, так или иначе связанных с базисной ролью финансового капитала в мировой экономике.

Первое противоречие - экономики и политики - возникает на верхнем уровне глобализации, т.е. на уровне мировой экономики как системы региональных центров. Системная конкуренция, включая в свою сферу государственную политику, порождает экономико-политический маятник выравнивания интересов участников и стабилизирует денежную систему мира в формах, переплетающих экономику и политику. Это активизирует тенденцию к политизации мировой экономики, хотя о политизации как о негативном явлении можно говорить только применительно к избыточности данного процесса.

Второе противоречие охватывает противопоставление и единство национальной и мировой экономики. Тем самым оно относится к более низкому уровню мировой экономики. С ним связано формирование финансового инвестиционного единства мировых рынков. В своей актуальной, тем более политизированной форме - столкновения национальных и мировых приоритетов - данное противоречие способно выйти за рациональные границы взаимодействия международных финансовых организаций и национальных государств.

На самом конкретном уровне, там, где происходят процессы кластеризации мировой экономики, являющейся базой для выравнивания уровней эффективности производства мирового продукта и мировых факторов производства, мы попадаем в поле нетрадиционных рыночных конкурентных отношений. Это мир межнациональных корпораций, прямых инвестиций, формирования экономических стратегий, условий хозяйствования, технологий и т.п. Нетрадиционный характер рыночной конкуренции выражается в том, что хозяйственные связи имеют не только горизонтальные, но и вертикальные составляющие.

Благодаря системным связям разных уровней мировой экономики (вертикали мировой экономики) практика хозяйствования приобретает черты целостности мирового рынка. Абсолютная открытость национальных экономик, если таковую можно себе представить, преодолевается (в терминах диалектики - снимается) - это открытость по отношению к мировой экономике, но не хаос самой мировой экономики. Целостность мирохозяйственных связей совершенно необходима для формирования стратегических тенденций развития мировой экономики на принципах самоорганизации.

Противоречия глобализации и российские рыночные реформы

Процесс глобализации имеет два аспекта - политический и экономический. Если глобализация выходит за рамки конвергентного единства экономики и политики, она становится политизированной, т.е. преобразующейся в политические межгосударственные союзы.

Наш анализ проблемы соотношения экономики и политики применительно к мировому капиталу резко продвинула вперед военная акция НАТО в Югославии. Почему США (совместно с НАТО) сочли себя вправе применить военную силу для подавления коммунизма и насаждения демократического общественного строя? Это стало возможным, по нашему мнению, вследствие того, что процесс глобализации на современном этапе тождествен утверждению в мировой экономике монопольного положения финансового капитала развитых стран во главе с США, причем мировой финансовый капитал представлен бюджетно-денежными структурами и не включает сколько-нибудь целостной интеграции национальных инвестиционных денежных систем. Такая интеграция переживает лишь начало своего становления.

Политизированная глобализация характеризуется потенциальной неустойчивостью. Можно выделить слагаемые такой неустойчивости. Во-первых, это интеграция национальных бюджетно-денежных систем при высокой степени зависимости национальных бюджетов от мирового ссудного капитала. Во-вторых, это монополизация мировой экономики капиталами США и других развитых западных стран. В-третьих, это обособление государственных структур от общества и экономики и стремление к совмещению экономического и политического лидерства как на национальном, так и на мировом уровне. В-четвертых, это сочетание процессов углубления целостности мирового рынка как валютно-денежного оборота с упрощением и фрагментарностью его финансовой составляющей, причем на национальном уровне происходит квазирыночная трансформация финансовой системы.

За примерами далеко ходить не надо. В России за годы реформ *de facto* сложилась трехуровневая финансово-денежная система: Министерство финансов - Центральный банк - коммерческие банки. Такая структура внутренних финансов являет собой как бы проекцию мирового финансового капитала во главе с международными финансовыми институтами (Международным валютным фондом, Всемирным банком). Но в таком случае она ставит государство в оппозицию к национальному финансовому капиталу, особенно крупному. Государство явно стремится к огосударствлению инвестиционной деятельности, как минимум к сохранению своих лидирующих позиций по отношению к финансовому капиталу.

Деполитизировать процессы глобализации вполне возможно, но для этого мировой рынок необходимо усложнить, введя в него национальные рынки на правах относительно автономных компонентов. Мировую экономику и ее национальные компоненты должно связывать соподчинение, в то время как обе формулы глобализации, о которых говорилось выше (Вашингтонский и пост-Вашингтонский консенсусы), выражают подчинение национальных финансовых капиталов мировому финансовому капиталу, национальных экономик - мировому рынку. Действует упрощенная схема: мировой финансовый капитал ограничен в своем развитии доминантной функцией денежного капитала (это просто мировые деньги), национальный финансовый капитал поставлен в тиски бюджетно-денежной системы. Первая задача такой схемы - подчинить внутренние финансы мировым, вторая - преодолеть автономию внутреннего рынка. Неизбежным итогом действия изложенной схемы оказывается политизация.

Что значит усложнить схему мирового рынка? Речь идет о развитии дополнительного по отношению к мировому валютно-денежному обороту (денежному контуру, по Х. Минскому) мирового инвестиционного оборота (финансового контура в формулировке Минского), включающего оборот долговременных финансовых активов и взаимную метаморфозу финансов и денег. Развитие мирового инвестиционного оборота,

конечно, связано с интернационализацией инновационных процессов и обострением конкуренции технологий, но здесь есть самостоятельный ракурс глобализации, а именно, развитие базисной роли финансового капитала, которая нуждается в соединении относительно автономных валютно-денежного и инвестиционно-денежного оборотов.

Тем самым на повестку дня встала проблема внутреннего рынка как компонента развития мирового капитала, ибо инвестиционно-денежный оборот может быть отделен от валютно-денежного исключительно вследствие укорененности национального финансового капитала в реальном секторе экономики. Сказанное означает, что полнота проявления всех функций мирового финансового капитала (денежной и инвестиционной) парадоксальным образом связана с развитием национальных рынков, в известном смысле - как контртезы мировой экономики, но одновременно и как очень важного ее компонента. При этом в силу погружения финансового капитала в контекст исторических особенностей различных государственных образований открываются возможности самых разных вариантов взаимодействия денежных и финансовых отношений, экономики и политики. Развитие мирового рынка обогащается всеми факторами, которые только может вовлечь в процессы глобализации конвергенция на мировом и национальном уровнях.

Противоречие между государством и рынком не разрешается, если мировой финансовый капитал ограничен валютно-денежными оборотами или, что то же, денежным контуром. Во-первых, финансовый капитал монетизируется: резко усиливается его собственно денежные функции (денежный контур), для которых просто необходимы конвертируемость национальных валют и поддержание устойчивых валютных курсов. При этом соединяются вместе приоритет мирового рынка по отношению к национальной экономике в силу бюджетной зависимости государства от международных финансовых институтов, а также денационализация рынка, который нависает над государством именно потому, что имеет опору в своей зависимости от мирового рынка. Этот момент нужно иметь в виду, когда мы пытаемся осмыслить довольно большие сроки, на которые международные финансовые организации выдают валютные кредиты. Например, половину валютных кредитов Россия получила на срок от года до трех, а вторую половину - на более длительные сроки [3, с. 6]. Мировой капитал кредитует российское правительство в рамках интеграции бюджетно-денежных систем, сам по себе этот процесс не ведет к углублению интеграции инвестиционных денежных систем. Во-вторых, противоречие между экономикой и государством даже усиливается, несмотря на попытки его снятия (эффект болота). Политические союзы формируются вокруг основных стран-кредиторов, что ведет к монополизации мирового рынка, а значит, и к обострению экономических и политических конфликтов.

Что касается России, то вполне очевидно подчинение ее национальной бюджетной политики требованиям МВФ и ВБ, а экономики в целом - бюджетной политике. Надо подчеркнуть, что отрицательным фактором внутреннего развития нашей страны является не столько содержание требований к бюджетной политике, сколько замещение последней экономической политики в целом. Именно это обстоятельство стимулирует изменение общественно-политических приоритетов российских реформ в сторону замедления рыночной трансформации и увеличения масштабов государственного регулирования на принципах бюджетного финансирования.

Такая ситуация очень опасна для перспектив системной эволюции социализма, ибо российский рынок пока не создал рыночного аналога социалистической бюджетно-денежной системы. Недостаток последней состоял в том, что свойственный ей примат кредитных денег (а в них - долговременных инвестиционных кредитов) обеспечивался исключительно бюджетом, т.е. доходом, а не капиталом. В условиях же развитого рынка кредитные обороты должны быть укоренены в формировании единой денежной инвестиционной системы страны на базе структур и институтов финансового капитала и во главе с ним.

Бюджет - не только финансовый фокус современной российской экономики, как это было в социалистическую эпоху, когда действовала связка "Госплан-Минфин". Это - общеэкономический фокус. В результате чего затрудняются рыночная трансформация и становление ее рыночного базиса - финансового капитала. Как следствие намечилось возвратное движение к социализму не только в качестве опасной перспективы, но практически в виде накопления прежних, присущих социализму структурных и институциональных особенностей общественного производства: "рост производства товаров промежуточного назначения, насыщение отдельных секторов экономики дешевыми кредитными ресурсами, как следствие этого оживление инвестиционной активности и дальнейшее сокращение производства потребительских товаров (хотя девальвация создала идеальные условия для наращивания их производства) при прогрессирующем снижении уровня потребления населением товаров и услуг" [3. с. 6, 7].

Нормальная рыночная среда предполагает полную реализацию всех аспектов финансового капитала. А это означает, что разрешение противоречия между рынком и государством опирается на процесс обрастания как экономики, так и государства своими системами - своими институтами, своими структурами, своими воспроизводственными механизмами. Именно системность трансформирует связь рынка и государства в конвергентные отношения финансового капитала и государства. Причем конвергентность этого рода, о чем мы говорили выше и подчеркнем еще раз, должна быть присуща как мировому, так и национальному уровню, т.е. должна иметь и внешнюю, и внутреннюю сторону. Ибо в рамках общего приоритета мировой экономики по отношению к национальной в части финансового контура национальная экономика имеет приоритет по отношению к мировой.

Что касается России, то МВФ просто не замечает этой ситуации, хотя его финансовые ресурсы близки к исчерпанию, а это требует качественно новых решений в направлении развития воспроизводственной базы мирового финансового капитала. И здесь главное слово за внутренним рынком. Вместе с тем в политике российского правительства отсутствует установка на базисную функцию финансового капитала, который должен был бы формировать инвестиционную денежную систему страны. Не проработана также конвергентная функция финансового капитала. В развитой рыночной макроэкономике именно он обязан создать систему рыночных субъектов, противостоящих государству. В частности, вместо чисто политических интриг российские олигархи, продолжая поддерживать те или иные политические партии, могли бы направить свои усилия и финансовые ресурсы на непосредственное решение стратегических проблем рынка. Одновременно государственный аппарат мог бы исходить из стратегических социально-политических приоритетов регулирования рынка. Это означало бы использование конвергентных механизмов, объединяющих экономику и государство в ходе рыночных реформ.

Итак, глобализация включает не абсолютную открытость национальных экономик, а относительную. Речь идет не о полноте открытости, а об ее отношении к внутреннему рынку - это открытость пространства внутреннего рынка как целостности. Подчеркнем: главное состоит в том, что режим открытости устанавливается в алгоритме общей рыночной трансформации национальной экономики. Алгоритм внутренней рыночной трансформации - существенное качество глобализации как процесса формирования мировой экономики с помощью механизмов конвергенции между экономическим и политическим полюсами мирохозяйственных связей. Исходя из сказанного, можно предположить, что рыночная трансформация существует не только как проблема постсоциализма, а представляет собой оборотную сторону глобализации. Это значит, что глобализация есть форма развития рынка на синергетических принципах самоорганизации, вовлекающей в этот процесс все сферы и все институты как национального, так и мирового сообщества.

Поскольку финансовый капитал пока не стал новым рыночным базисом российской экономики, нет оснований ожидать качественного скачка в рыночную макроэкономику. России грозит повторение пройденного - новая волна экстенсивного экономи-

ческого роста в ближайшее десятилетие. Таково мнение многих аналитиков, с которыми можно согласиться. Вызывает возражение заново провозглашаемая и столь же необоснованная старая модальность: «Такой длинный период "экстенсивного" роста должен завершиться изменением соотношения между темпами роста инвестиций и потребления» [3, с. 15]. Как известно, первая волна индустриализации и на ее основе экстенсивное развитие социалистического общественного производства закончились экономическим спадом и началом рыночных реформ. Что же дает основание считать, что возрождение аналогичных принципов экономического роста получит иной финал?

Авторы доклада, на который мы ссылаемся, во главу угла ставят два момента, определяющих перспективу экстенсивного экономического роста: длительный экономический спад, вызванное им ускоренное старение основного капитала и, кроме того, неизбежное в силу неравномерного распределения собственности преобладание крупных инвесторов. На наш взгляд, такого рода рассуждения объединяют традиции социалистической плановой экономики, в которой тоже преобладали крупные инвесторы. и логику рыночной микроэкономики, экономики фирмы, как ее называл Кейнс. Российская экономика, между тем, имеет такую степень зрелости, когда переход к рыночной макроэкономике предопределен.

Рыночная макроэкономика обладает гораздо большим, чем микроэкономика, потенциалом ускорения инвестиций, так как ей присущи противорессы инфляционному инвестиционному буму. Мы имеем в виду систему кругооборотов финансового и производительного капиталов и дохода, лежащих в основе макроэкономического рыночного равновесия. Очень важно, что в него включен доход в качестве одного из постоянных направлений инвестирования. Рост доходов обуславливает рост сбережений вследствие того, что все компоненты дохода включены в банковские обороты. С точки зрения финансовых источников повышения уровня жизни это имеет не меньшее, если не большее, значение, чем развитие мелкого и среднего бизнеса. Что касается роли крупного капитала, то его сила в том, что он служит конструктивной основой экономических структур - уровней экономики и соответствующих институтов.

Сказанное заставляет рассматривать рыночные реформы в России с позиций глобализации как внутреннего для России явления. Это предполагает ее анализ в аспекте взаимодействия распределений капитала-собственности и капитала-функции. Так, мы уже говорили, что конструктивной основой макроэкономики является система кругооборотов финансового капитала, производительного капитала и дохода. Последнее означает, что достигли зрелости, а значит, и автономности статистические распределения капитала-собственности и капитала-функции.

Советская экономика обнаружила полную зрелость статистического распределения производительного капитала (в его социалистической форме основных производственных фондов) уже в 60-х годах: была сформирована парабола (заданная на положительных значениях координат парабола второй степени) отраслевого распределения реального капитала, сложенного из трех комплексов отраслей - сырьевого, топливно-энергетического; инвестиционного; потребительского [4-6]. Это обеспечивало целостность и самодостаточность внутреннего рынка, которая в условиях социализма проявлялась не в оптимизации предложения и спроса на основе цен равновесия, а в планомерном регулировании производства на основе оптимизации межотраслевого баланса ВВП. Вместе с тем был заблокирован переход в режим рыночной макроэкономики, так как отсутствовала частная собственность и не могла сложиться основа кругооборота финансового капитала в виде целостного и автономного распределения капитала и дохода, которое в рыночной макроэкономике имеет вид гиперболы. На решение этой задачи была объективно сориентирована массовая приватизация.

Системная эволюция социализма в рыночную макроэкономическую была подготовлена частичными внутрисистемными преобразованиями, которые призваны были удержать распад социализма, но они же обусловили патологические трансформации параболы распределения реального капитала, которые сделали невозможным экономический рост в рамках социализма. Так, перед реформой распределение реального капитала

стало устойчиво инфляционным, поскольку ось симметрии новой параболы (образованной старой параболой, в которую оказалась вписанной дополнительная парабола распределения индустриальных отраслей) проходила не между капиталоемкими и трудоемкими отраслями, что важно для оптимизации межотраслевого баланса ВВП. а между индустриальными комплексами отраслей.

Пример России подводит к мысли о том, что соотношение национальной экономики и мирового рынка имеет внутренние структурные основания в развитии институтов капитала-собственности и капитала-функции, и эти основания можно определить хотя бы приблизительно. Если для мировых лидеров это очевидно, так как глобализация вытекает из условий функционирования рыночной макроэкономики, то для других стран, где идет развитие в том же направлении, встает вопрос о внутренней мере и о продвинутости на этом пути как условия выбора формулы глобализации.

Воспроизводственный взгляд на формулы глобализации

Если провести сравнение формул глобализации как разных систем общественного производства, исходящих из последовательно или, наоборот, непоследовательно выдержанного приоритета распределения капитала-собственности, то формула Вашингтонского консенсуса представляет систему формирования внутреннего рынка, целиком вырастающего из распределения капитала-собственности. В практическом плане речь идет о массовой приватизации. Отраслевая структура реального капитала подстраивается к соотношению экспорта и импорта. Она испытывает сильное влияние внешних инвестиций в части их воздействия как на динамику и структуру капитальных ресурсов производства, так и на пропорции между капиталом и доходом. Логично, что интенсивность насыщения экономики реальными капиталами будет тем выше, чем мельче сеть, переплетающая элементы капитала-собственности и капитала-функции, ради тесноты связей этого рода государство должно поощрять спонтанный рынок и ограничивать свои функции обеспечением финансово-денежной стабильности.

В рамках формулы пост-Вашингтонского консенсуса предполагается, что государство формирует распределение реального капитала как систему целостного внутреннего рынка параллельно с развитием открытой экономики на базе относительно автономного распределения капитала и дохода. Тем самым оно ограничивает масштабы действия мировых критериев эффективности и скорости вытеснения внутренних цен мировыми. Как долго может продлиться такое ограничение, зависит от многих причин.

Согласно Вашингтонской и пост-Вашингтонской формулам, возникает проблема балансовой увязки эффективности финансового капитала и производительного капитала. Проблема получает разрешение либо в форме взаимодействия мирового и внутреннего рынка в первом случае, либо в форме взаимодействия секторов (государственного и рыночного) национальной экономики во втором случае. Соответственно, соотношение стратегического и текущего ракурсов экономики переносится в пространство центров мировой экономики. При этом интеграция экономики как системы центров мирохозяйственных связей обуславливает необходимость отражения в экономических мировых стратегиях тенденции к выравниванию эффективности разных функциональных капиталов.

Для самого центра это жизненно важная проблема, как и для всякой большой самодостаточной экономики с выраженными структурами макроуровня. Дело в том, что оборот финансового капитала в развитой макроэкономике тем более стабилен (обладает динамикой со сглаженными циклами), чем устойчивее соотношение капитала и дохода, а значит, чем ближе оно к своему пределу - 1. (Необходимость соответствующей тенденции Кейнс сформулировал в виде равенства мультипликаторов инвестиций и дохода.) Стабильность данного рода в свою очередь требует направленности общественного производства на формирование устойчивого нейтрального (но уровню капиталоемкости) типа экономического роста. Его воспроизводственным фундаментом и является нормальная (второй степени, заданная на положительных значениях

координат) парабола распределения производительного капитала, которая служит нос-производственным механизмом, преобразующим систему национального капитала в общественную кооперацию живого труда и соединяющим действие критериев эффективности капитала с действием критериев производительности труда, а значит, с уровнем дохода. С учетом этой предпосылки предельная эффективность производительного капитала складывается относительно автономно под влиянием естественной для рынка ориентации инвестиционного спроса на максимизацию ожидаемой прибыли. Но этот спрос ограничен сверху финансовым капиталом и конъюнктурой денежных и фондовых рынков, а снизу - инфляционными параметрами, испытывающими определяющее воздействие со стороны дохода. Таков смысл кейнсианского равновесия трех критериев - банковского процента, предельной эффективности производительного капитала и нормы сбережения к доходу.

Кейнс не увязывал строго макроэкономическое равновесие с кругооборотами и оборотами разных функциональных капиталов - финансового, производительного и дохода - и распределениями, лежащими в их основании, хотя внимательное чтение открывает такого рода методологическую перспективу. Нам представляется, что кейнсианская теория в принципе раскрывает закономерности и современного мирового рынка, взятого в разрезе интеграционных центров, и, соответственно, закономерности национальной экономики высокого индустриального уровня (на переходе от индустриальной экономики к постиндустриальной), обладающей как самодостаточностью в смысле сложившейся системы кругооборотов и оборотов финансового и производительного капиталов и дохода, так и лидирующей позицией внутри региональной интеграции. Не случайно страны, входящие в региональную интеграцию, всегда привязаны к валюте своего лидера - и не столько потому, что она устойчива, сколько в силу ее роли стоимостного эквивалента и носителя мирового уровня эффективности.

Открытость экономики с точки зрения вхождения в режим глобализации для стран - не лидеров начинается с открытости по отношению к региональной валюте, что одновременно означает опережение развития финансового капитала по сравнению с производительным. Это может повести к утрате политической самостоятельности, но фатальной неизбежности нет здесь. Во-первых, участие в финансовой интеграции положительно воздействует на внутренний рынок, создавая новые стимулы и обеспечивая его дополнительными финансовыми ресурсами. Во-вторых, подключается участие национальной экономики на еще одном уровне глобализации - в рамках международных кластеров. Формирование финансово-производственных международных ассоциаций разного типа, с одной стороны, снимает национальные экономические границы, но с другой - находит меру этого процесса в максимизации эффективности экономики и в ее конкурентоспособности на мировых рынках.

Для России не подходит пост-Вашингтонская альтернатива глобализации, так как у нас нет возможности создать параллельные сектора открытой и внутренней экономики, например по китайскому образцу, ибо в этом случае вхождение в режим глобализации сочетается с первичным формированием внутреннего рынка как целостности. Но точно так же не годится и Вашингтонская альтернатива, поскольку невозможно осуществить на принципах полной, не скорректированной алгоритмом рыночной трансформации, открытости экономики рыночную трансформацию производительного потенциала, обладающего целостной, глубоко индустриальной и при этом инфляционной структурой. Оба подхода "выводят из игры" на деле существующий внутренний рынок как целостность. Нам могут возразить, что внутренний рынок в России представлен институтами квазирынка. Да, это так, но квазирыночные институты можно рассматривать как специфическую форму рыночных институтов переходной экономики. А главное состоит в том, что существует целостность внутренней экономики, пусть даже это квазицелостность.

Дело в том, что вновь создаваемая парабола распределения производительного капитала должна быть как-то соотнесена с уже существующей. Опыт реформ показывает, что традиционные отрасли обладают мощной инерцией, реализуемой в

формах теневой экономики. Кроме того, создаваемый посредством приватизации финансовый капитал не свободен от параболы производительного капитала. Это приватизация доходов, формируемых в недрах производства в виде стоимости реализованной продукции, или приватизация производственных финансовых активов, или присвоение бюджетных ресурсов, в свою очередь тесно связанных с производством. Непосредственно деньги в качестве особой формы финансового капитала составляют его часть наряду с банковско-промышленными акционерными капиталами и доходом, инвестированным в малый и средний бизнес, который также недостаточно локализован от исходной параболы, унаследованной от социализма. Сформированный в процессе приватизации и либерализации экономики России капитал-собственность сразу же был образован как целостность на базе гиперболического распределения, вписанного, однако, в исходную параболу капитала-функции, причем тоже как целостности, хотя и представленной формами квазирынка (теневая экономика, сильные позиции бюджетного инвестирования).

Таким образом, если главным акцентом своей экономической политики российское государство выбирает финансово-денежную стабильность (что равнозначно формуле Вашингтонского консенсуса), оно приходит к разрушению целостности внутреннего рынка и к деградации отраслей инвестиционного комплекса. Неизбежность негативного эффекта вытекает и из формулы пост-Вашингтонского консенсуса. Если государство пытается совместить регулирование инфляции с непосредственным управлением общественным производством на базе мер бюджетного финансирования и специального регламентирования банковских кредитов в реальный сектор при одновременной поддержке традиционных производств таможенной политикой, происходит резкое замедление глобализации. Это чревато потерей механизмов формирования рыночной макроэкономики, а значит, невозможно будет сохранить относительную автономию распределений капитала-собственности и капитала-функции, так же как невозможно будет удержать примат финансового капитала. Перспективы такого развития негативны.

Российские реформы слишком надолго задержались на стартовой Вашингтонской формуле глобализации. Свойственный ей отрыв финансовой глобализации от внутреннего рынка (эти процессы разнесены во времени) привел к противоречию между финансово-денежными структурами макроуровня и общественным производством, не вовлеченным в макроэкономическое рыночное равновесие. Данное противоречие (микро- и макро-) блокирует рыночную трансформацию и понижает возможности выхода из экономического спада.

Очень кратко вывод из всего сказанного можно сформулировать следующим образом. Если идет становление рынка макроэкономического типа (по Кейнсу), как это имеет место в России, необходимо соединение внутренней рыночной трансформации с глобализацией, вовлекаемой в алгоритм рыночной трансформации. Формула такой глобализации - конвергенция финансового капитала и государства как на мировом, так и на национальном уровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н.* Экономическая глобализация и постмодерн // Общественные науки и современность. 2000. № 1.
2. *Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н.* Трансформационный потенциал российской экономики // Общественные науки и современность. 1998. № 2. С. 10. 16.
3. Фонд "Бюро экономического анализа". Информационно-аналитический бюллетень. 1999. № 15.
4. Промышленность СССР. М., 1964.
5. Промышленность СССР. М., 1976.
6. Промышленность СССР. М., 1983.